

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Ю.С. Пивоваров

ХУДОЖНИК ГИТЛЕР: ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Аннотация. Автор не согласен со статьей Дм. Быкова «Писатель Ленин», опубликованной в журнале «Дилетант» (2017. № 15). Делается вывод о том, что невозможно оценивать этого исторического деятеля как литератора-публициста, не учитывая ту роль, которую Ленин сыграл в истории России.

Ключевые слова: В.И. Ленин, революция, журнал «Дилетант».

Пивоваров Юрий Сергеевич – академик РАН, научный руководитель Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН), Москва.

Yu.S. Pivovarov. Hitler Was a Painter: Polemical Notes

Abstract. The author argues with Dm. Bykov, the author of the article «The Writer Lenin» («Diletant». 2017. № 15) and insists that it is impossible to assess Lenin as a writer ignoring Lenin's role in Russian's history.

Keywords: V.I. Lenin, revolution, the magazine «Diletant».

Pivovarov Yury Sergeyeovich – Academician of RAS, scientific Director of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INIION RAN), Moscow.

Как всегда, то, что пишет Дмитрий Быков, талантливо. Его книга о Пастернаке (ЖЗЛ) гениальна. И эссе «Писатель Ленин» [1] не только блестяще, но и, как говорил А.К. Толстой, «против течения». Ведь еще совсем недавно казалось: его забыли. В отличие от «чудесного грузина»...

Сам факт: Ленин в портретной галерее писателей¹. То есть Ленин – писатель. Поговорим о нем, как о writer, предлагает автор. Тем самым, «герой»

---

1. В каждом номере этого журнала Дм. Быков публикует эссе, посвященные писателям.

изымается из наличного исторического процесса и помещается в мир писателей. Анализируются его стиль, его пряморечие, его интеллектуализм. Кстати (или нет), Дм. Быков напоминает нам, что сам Ленин на «вопрос о роли занятый, отвечал “литератор”» (не знаю почему, но я слышу в этом слове нечто хлестаковское).

Дм. Быков говорит: «Сам не расстреливал, хотя и давал подобные рекомендации, а то и приказы, – потому, вероятно, что с живыми людьми дела не имел и искренне полагал, что человека расстрелять не трудней, чем зачеркнуть слово. Люди вербальной культуры – они такие». Все? Писатель Быков тоже? «Давать рекомендации к расстрелу» – это как? Да все просто: «с живыми людьми дела не имел». Это точно – имел с расстрелянными. А «слово зачеркнуть» – как правку в текст внести. Писатель же.

Но я не хочу ёрничать. Во-первых, повторю, потому, что нередко восхищаюсь Дм. Быковым. А его «Пастернак», еще раз, событие. Во-вторых, что важнее, понимание Ленина является обязательной задачей русского сознания. И это подтверждает публикация в «Дилетанте» (а на обложке этого номера Николай II, которого Ленин убил; знаменательна запись под портретом императора – «Человек не на своем месте», в пандан к ней мы узнаем, что человеком на своем месте был писатель Ленин).

Но прежде чем сказать *своё*, приведу и прокомментирую сказанное Дм. Быковым.

«Сложнее с Лениным, поскольку фигуры, сопоставимой с ним по масштабу, в восьмидесятые-девяностые так и не появилось; вообще неясно, что это было такое». Действительно сопоставимой фигуры не было. И не в моем (об этом дальше), а в быковском смысле. *Таких* не было. Были: новые – Горбачёв, Ельцин; раньше – Солженицын, Сахаров. Это – так, по «верхам». Список иных «несопоставимых» в общем известен. Лишь одно сразу имя – Анатолий Тихонович Марченко. Если у немцев есть граф фон Штауффенберг, у нас – он. И при всем моем восхищении героем июля 44-го, Марченко – для меня убедительнее.

«В сущности, он только и делал, что писал, причем в разных жанрах: прокламации, газетные статьи, теоретические работы, литературную критику, полемику, декреты, записки на заседаниях, пустословных и всегда его бесивших; ничего, кроме этих слов, и не было». – Жалко Ленина, ему приходилось вести пустословные заседания, они «бесили» его. Видимо, отрывали от чего-то более важного. Чего: ну, наверное, от распоряжений об убийствах? Классовых врагов, «кадетов», буржуазии, попов, офицеров, кулаков... Эти «пустословные заседания»!

«...На всей Земле, но в России особенно, весьма трудно разграничить, где кончается историческая воля конкретного лица и начинается закон истории, который подминает и раскатывает самого пассионарного лидера. Цикличе-

ская история России воспользовалась Лениным, хотя сначала он воспользовался ею; будем откровенны: в падении монархии его роль пренебрежимо мала, это сделалось без его участия, но он был первым, кто не побоялся взять ответственность за лавину. Действия Ленина отчасти напоминают тактику ИГИЛ, запрещенного в России и берущего на себя ответственность за все, что его радует или совпадает с его интересами. Ленин, правда, теоретически осуждал теракты, но в быту не мог сдержать радости, когда ему о них сообщали». – Какое же наслаждение читать Дм. Быкова! Всего несколько фраз, а сколько нового! Оказывается, существует «закон истории», который может сделать что угодно не только с нами, но и с «пассионарным лидером». Тем самым, с него (нас) снимается всякая ответственность за содеянное. Так что не трогайте пассионария (и нас) – с «законом истории» не поспоришь. Правда, (шепотом, робко) тянет спросить: что за «закон истории», кто его Законодатель? Неужели все дело в (не)соответствии развития производительных сил производственным отношениям? Или, страшно сказать, имеется в виду телеологичность исторического процесса? От этих вопросов аж дух захватывает. И наш пассионарный лидер превращается в бедного Акакия Акакиевича (кстати, отчасти он вообразен таким Солженицыным. – «Ленин в Цюрихе»; здесь главное «отчасти», Ильич дан Исаичем гораздо многомернее...). Его даже немного жаль. Попал-таки под каток «закона истории».

К сожалению, Дм. Быков не дает хотя бы намека: почему особенно в России «трудно разграничить, где кончается историческая воля конкретного лица и начинается закон истории». Остается гадать – то ли мы народбогоносец, то ли слабое звено в цепи, то ли, как говорил Хлебников: «Русь, ты вся поцелуй на морозе». Ладно, не будем придираться к «неизъяснимому».

Мы и так получаем море новой информации. Оказывается, у России циклическая история. Жаль, что это смелое историософское утверждение не раскрывается. Есть ли история отечества колода циклов, где один сменяет другой и все они разные? Или цикл идет за циклом по кругу, как времена года? Или Дм. Быков полагает, что все не ново под луной? Что было встарь, то повторится вновь? И это тот самый «закон истории»? Особенно проявляющий себя в России?

Меня, как читателя, всегда инспирировало умение авторов говорить «таинственно», как бы прикрывая саму мысль, оставляя для нас возможность, пространство для до-мысла, для усилия понять. Именно так возникает энергетическая связь между текстом и вкушающим его. – Вот наглядный пример загадочности: «Циклическая история России воспользовалась Лениным, хотя сначала он воспользовался ею...» Прочтя это, я сразу же был охвачен ознобом понимания. Что *именно* хотел сказать Дм. Быков? Неужели Ленину удалось поматросить циклический закон русской истории («поматросить» звучит двусмысленно: матрос – один из центральных символов Семнадцатого года)?

А затем этот самый закон поматросил Ленина (вновь двусмысленно: матросы Кронштадта в Двадцать первом заставили пассионарного лидера отказаться от наиболее людоедских приемов)? Или Дм. Быков полагает следующее: Ленин, для обдѣлывания своих дел, сумел воспользоваться приходом очередной, циклической Смуты, но позже циклическая Смута воспользовалась Лениным? Дух захватывает на высоте этой историософии.

Но Дм. Быков не забывает и о конкретике. Нам сообщается ошеломительная новость: не Ленин сломал хребет монархии. Она пала практически без его участия. А я по-прежнему грешным делом был уверен: ниточки переворота тянулись в Цюрих, где маялся Главный распорядитель. И все эти мартовские клоуны играли в его кукольном театре... Оказывается, нет.

Из других новостей: «Действия Ленина отчасти напоминают тактику ИГИЛ, запрещенного в России...» Поразительная по точности метафора! Только Ленин предшествовал этим головорезам. Тем не менее эта характеристика много проясняет в вожде большевиков. Как, впрочем, и следующее сообщение: «Ленин... теоретически осуждал теракты, но в быту не мог сдерживать радости, когда ему о них сообщали». – Сразу же вспоминается сцена из фильма «На Дерибасовской хорошая погода, или На Брайтон-Бич опять идут дожди», в которой глава русской мафии в Америке Актер (в прекрасном исполнении А. Мягкова) на встречах со своими поделщиками перевоплощается в Ленина, Сталина, Хрущёва, Брежнева. Как заразительно радостно смеется Актер-Ленин, когда Революционный матрос, докладывая ему о совершенном убийстве, произносит: одна нога убитого там, в Чикаго, а другая здесь, в Нью-Йорке. Действительно, тотальная радость от убийства.

Вообще мне всегда казалось, что в смехе, радости человек раскрывается. Отчего ему радостно, что смешно. Это многое в нем объясняет. Два эпизода: утром 6 января 1918 г. в кабинете Ленина Раскольников и Дыбенко рассказывали о разгоне Учредительного собрания. Ленин, сощурился карие глаза, сразу развеселился, а услышав, что Чернов «не сделал ни малейшей попытки сопротивления», глубоко откинулся в кресло и «долго и заразительно смеялся» [цит. по: 4, с. 21].

После покушения на Ленина в 1918 г. между видными большевиками состоялся разговор. Вот фрагмент из него. «Петровский ... Сразу же после Октября декрет об отмене смертной казни. Коллонтай. А Вы помните, как отреагировал на это Ильич? Как он расхохотался. Я отлично помню его слова! “Как же можно совершать революцию без расстрелов? ...”» [цит. по: 2, с. 147].

Добавим: Ленин теоретически осуждал индивидуальные теракты (убить министра, губернатора, полицейского), но был непревзойденным теоретиком и практиком массового террора, или, как ему нравилось формулировать: «массовидного террора».

Дм. Быков с надеждой и одновременно печалью предрекает России «новую перестройку». И печаль его связана с тем, что он не уверен: «останутся ли... хоть какие-то ресурсы для серьезной полемики». О чем? О путях развития страны? – Да нет, конечно. Есть вещи поважнее – «долгую жизнь товарища Ленина придется писать и описывать заново». Как видим, завет Маяковского не забыт. Более того, он обладает для нашего будущего смыслообразующей силой. А пока еще эти благословенные времена не настали, мечтается: «Тогда можно будет некоторые вещи назвать вслух, не опасаясь получить ярлык русофоба или клеймо расстрельщика; тогда историческая истина будет устанавливаться по цитатам и документам, а не по указке начальства».

Интересно: почему сегодня-то нельзя «некоторые вещи назвать вслух»? И что это за «вещи», которые чреватые репутацией «русофоба» и «расстрельщика»? Еще вопрос: кто в наши дни мешает устанавливать историческую истину «по цитатам и документам»? У начальства свои дела, у нас свои.

Далее дается ответ на эти вопрошания: «Тогда ... станет ... ясно, что Ленин – подобно Петру, с которым он был типологически схож, – пытался сломать матрицу русской истории, но не преуспел и принялся истреблять население; у Петра был тот же грех». – Несмотря на «истреблять» и «грех», написано с уважением. Мол, в целом дело неплохое – «сломать матрицу русской истории» (вот бы мне знать, какая у нас матрица; предположу: по Дм. Быкову, это некая формула русской жизни, которая «консервирует» Россию в том виде, который для автора биографии Пастернака неприемлем). Здесь следует обратить внимание на глаголы «не преуспел и принялся». А если бы «преуспел», то не «принялся»? Получается, что «матрица» отдельно и «население» отдельно. Живет себе «население» – поживает, а Петр и Ленин ломают какую-то матрицу. Хорошо и слово «население»; истребляли эту «статистику», а не людей, народ.

Вдруг вспоминается где-то читанное, слышанное: Сталин, посмотрев «Ивана Грозного» Эйзенштейна, по «странной филиации идей» (выражение Л. Толстого) сожалел: «Эх, Петруха не дорубил». Говоря прямо, «истреблять население» и есть ломать «матрицу русской истории». Массово, интенсивно «истреблять население» является не следствием чего-то, что не получилось, но преступным содержанием теории и практики ленинизма – большевизма. Попытка обнаружить хоть какие-то «резонансы» в словах и деятельности Ленина оскорбляют память миллионов жертв.

Понимает ли это Дм. Быков? – Хотелось бы думать, что нет... Зато он пускается развивать свою символическую историософию, в которой писателю Ленину отведена одна из ключевых ролей. «Россию многие пытаются переделать и, обманываясь покорностью населения, сами не замечают, как увязают в огромном, густонаселенном (а я-то всегда считал, что проблема

России в малонаселенности, земли много, людей мало. – Ю. П.) и по-своему прекрасном болоте; тогда они начинают это болото выжигать, но кончают тем, что погружаются в него и там консервируются. В болотах ведь мумифицируются трупы, это широко известный факт, и то, что после смерти случилось с Лениным, нагляднейшим образом иллюстрирует Божий замысел о России».

Остановимся здесь. Россия – «прекрасное болото». Но почему-то «реформаторы» (Петр, Ленин, кто еще?), не сумев переделать отечество, начинают «прекрасное болото» выжигать. А зачем? Оно же прекрасно, к тому же Россия – «болото». Где тогда жить? Но потом «реформаторы» погружаются в это болото и «там консервируются». Кто погрузился? Петр? Каким образом? Где приметы его «консервации»? Ленин? Тем, что его «труп мумифицировался»? При чем здесь «болото»? Это было решение его соратников. Но Дм. Быков полагает, что это «иллюстрация Божьего замысла о России». – Ну, во-первых, что мы можем знать о Божьем замысле. Нескромно как-то (сегодня об этом неловко читать даже у Вл. Соловьёва, Бердяева и других наших великих выдумщиков). Во-вторых, неужели мавзолейный затворник есть замысел Создателя о нас? Какое нестерпимое Богохульство! И это о Том, кто «в рабском виде ... исходил, благословляя» русскую землю.

И вообще, даже метафорически, Россия – не «болото».

Автор же писательской галереи «Дилетанта» продолжает: «Ленин многое сделал для того, чтобы Россия выскочила из круга, – но круг оказался сильней; большая часть птенцов ленинского гнезда разделила участь петровских соратников. Надежда победить этот цикл путем окончательного заболачивания территории и погружения всей фауны в летаргию сейчас тоже обречена, так что, по всей видимости, еще один круг мы пройдем; на этом этапе новая вспышка интереса к Ленину неизбежна. Вот тогда, когда дискуссия о советском и русском станет наконец возможна – и можно будет говорить об этой русской матрице без страха подпасть под очередную кампанию, – многое станет понятнее».

Насыщенно. Теперь ясно: Россия ходит по кругу. Вот ее участь. Вырваться не удается. Русская матрица довлеет всему. И почему-то в будущем, т.е. на определенном отрезке круга, «неизбежна вспышка интереса к Ленину». И тогда уже можно будет не бояться. – Кстати, «птенцы ленинского гнезда» и «петровские соратники» – несравнимые явления. Здесь их уподобление – пусть даже через гибель – не проясняет сущности, но наводит тень на плетень. Что мы получим, если смотреть на судьбу Троцкого и Зиновьева через призму Меншикова и Остермана? К тому же «чудесный грузин» уничтожил ленинцев как «класс» (доживи бы писатель Ленин до тридцатых, то и его бы, не исключено, объявили «врагом народа»; не в устах сталинских убийц,

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

но по большому счету он таковым и был). Все-таки, даже с учетом большой крови, до воцарения Елизаветы петровцев тотально не перебили.

Как и многие (я в их числе), Дм. Быков противопоставляет «советское» – «русскому». И все его симпатии, разумеется, на стороне «советского», главным персонификатором которого был писатель Ленин. Стронниками же «русского» назначаются некие «консерваторы» (думаю, уместнее было бы назвать их погромщиками).

«... Для консерваторов ... русское лучше советского; советское для них отождествляется с еврейским и революционным ... Эти нынешние идеологи обожают именно ту Святую Русь, о которой говорил Блок, – “кондовую, избяную, толстозадаю”. Вот так! “Толстозадаю” Святая Русь. Это похлеще, чем “пархатые казаки” из сериала про Штирлица. Хочу напомнить замечательному писателю, что Святая Русь в разные времена и у разных мыслителей имела разнообразные коннотации. Но в целом это была воздушная мечта русского человека о своей земле и себе. Воздушная, как воздушны иконы св. Андрея Рублева или учение нестяжателей. А еще Святая Русь – цветущий сад, вертоград. Как псковские, нижегородские, калужские, вологодские монастыри. В предреволюционное время эта мечта нашла свое гениальное выражение в новаторских стилизациях Нестерова, как будто выросших из много-столетнего молитвенного опыта наших людей и новейшего (тогда) психологизма отечественной литературы. Не менее убедительна Святая Русь в поэзии Блока; это который про “кондовую, избяную, толстозадаю”. – “Да, и такой, моя Россия, Ты всех краев дороже мне”. “О, Русь моя, жена моя” (и вообще весь цикл “На Куликовом поле”). Искренность и сила этой мечты просвечивает и в кошунственно-безответственных “Двенадцати”. Пожалуй, даже спасает поэму».

И еще напомним замечательному писателю и несравненному (на сегодня) знатоку русской литературы, что она во многом (не во всем и не вся) вдохновлялась алканием Святой Руси (Томас Манн об отечественной словесности – «святая литература»). Это одно из главных ее целеполаганий. – Другое дело, что наличная Россия (в прошлом, настоящем, будущем) не может быть сведена к мечте о Святой Руси. Более того, погромщики разных сортов и времен пытались (ныне тоже) приспособить ее к своим зловещим фантазиям. Ну, это как гуманизм в ленинизме, – они не уживаются.

«Ленин все это (“кондовость, избяность, толстозадасть”. – Ю. П.) ненавидел, и житель сегодняшней России может его понять; не может он понять другого – того, чем эта попытка закончилась. Оказалось, что никакая диктатура пролетариата не отменит русского движения по кругу и не сделает население гражданами. Просвещение тоже плохо помогает, хотя наследники Ильича – шестидесятники – и пытались паллиативными средствами преодолеть местную косность... Поиск нового пути – вечное ленинское “Мы пойдем

другим путем” – остается насущной задачей новой русской жизни, которая неизбежно настанет после очередной и, кажется, последней реакции. Иногда мне кажется, что Россия не перестанет быть “такой”, пока не перестанет быть Россией; бывают у меня более оптимистические выводы».

Вопросы к автору. Почему житель современной России может понять ненависть Ленина к Святой Руси (в версии Дм. Быкова)? Наша страна (якобы), как всегда, ходит по кругу, даже ленинская диктатура не смогла ее сбить с этой траектории. Чего ж тогда понимать «ненависть» Ленина? Ведь если у него (!) не получилось, кто иной в состоянии!?! – Нет, категорически не вижу оснований для солидарности с его ненавистью. Далее. Почему просвещение плохо помогает преодолеть косность? Замечено – везде помогает. В каком смысле шестидесятники – «наследники Ильича». Ведь если у писателя Ленина отжать абсолютно декларативный (к ленинской практике не имеющий никакого отношения) гуманизм и прочие прогрессистские штучки-дрючки, останутся террор, казарма, тюрьма и т.п. Это суть ленинизма. Остальное, как говорил Александр Галич, – «это рыжий все на публику». Неужели Дм. Быков согласен быть «публикой» *этого* «рыжего»? У нас же есть свой рыжий, которому настоящие наследники Ильича делали биографию!

Шестидесятники здесь ни при чем. Они были воплощением протеста против террора, казармы, тюрьмы и т.п. Окуджава, Хуциев, «Современник», «Таганка», Визбор, Аксенов и многие другие – русский ответ на кровавые экзерцисы «кремлевского мечтателя». А то, что они наивно противопоставляли «хорошего» Ленина «плохому» Сталину, объясняется тем, что в наличных обстоятельствах того времени это было единственно возможной и доступной гласной формой выражения антидиктаторского, гуманистического и либерального смысла. К тому же не у всех «хороший» Ленин проявлялся интенсивно, да и вскорости эта иллюзия и одновременно «хитрый ход» были отброшены. Это – главное. Не помешало же, не обмануло В.В. Набокова: «Комиссары в пыльных шлемах». Именно за это стихотворение он назвал Окуджаву «несравненным русским гением». Справедливо.

Но не только мы, и Дм. Быков тоже, готовы к широкой интерпретации русских сюжетов. Иногда ему кажется, что Россия должна отказаться от себя, чтобы перестать быть «такой» – столетиями ходящей по кругу, «кондовой, избяной, толстозадой», Святой Русью. Хочешь преодолеть злой рок, никуда негодную матрицу, исчезни. – В полном ужасе наивно спрашиваю: чего же будет, если уже ничего не будет? А может и вправду ради преодоления «такой» России пора «перестать быть» Россией? И подобные «мне кажется» бывают и у Дм. Быкова. Иногда же он более оптимистичен. К сожалению, в чем его оптимизм, в тексте не расшифровывается.

Остается лишь предполагать, что этот вариант будущего России не столь радикально антагонистичен ее истории и настоящему.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

Здесь Дм. Быков предупреждает своих читателей. «Но все это мы сейчас проговариваем только для того, чтобы больше не возвращаться к дискуссиям о Ленине-политике, о его намерениях, о результатах Октябрьского переворота, который опять-таки многим кажется неизбежным следствием Февраля, и не Ленин тут принимал решение, а хронический русский сюжет, который людьми разыгрывается помимо их воли». Выходит, что весь сыр-бор о «толстозадой» Святой Руси связан лишь с желанием перестать обсуждать роль писателя Ленина (все время забываю – он же литератор, он же публицист) в Революции. И не надо обсуждать «результат Октябрьского переворота». «Не Ленин тут принимал решение» (а кто же: может, Сталин? да вроде, он сыграл решающую роль? если почитать – Е-Сарионича и написанное при нем; наш – Троцкий? да, если почитать этого «Иудушку» и написанное при нем).

Нет, это мои интеллигентские шуточки. Октябрьским переворотом командовал «хронический русский сюжет». Люди же «разыграли» этот сюжет «помимо их воли». Актеры вроде бы и не хотели, но Режиссер сказал: играть. Странно только слово «хронический». Неужели схоже с «хроническим заболеванием (болезнью)». Значит «русский сюжет» постоянно болен. И перестаньте спрашивать о результатах Октября у Ленина. Он-то здесь при чем? Заставили.

Да еще Февраль виноват. Ведь «многим» Октябрь «кажется неизбежным следствием Февраля». Конечно, конечно, это понятный намек на то, что Февраль делал (сделал) что-то такое, без чего Октября бы и не было. Так полагал Лев Троцкий, так в наши дни разумел Александр Солженицын. Я не согласен, но в моих комментариях к эссе Дм. Быкова нет места для полемики по этому вопросу. Скажу лишь одно: в контексте рассуждений автора «Писателя Ленина» это вполне явное указание на то, что в Октябре повинен не только русский сюжет, но и русские либералы, безответственно сотворившие Февраль. И это правильно: за бедствия России несут ответственность «русская матрица» («русский сюжет», «толстозадая» Святая Русь) и русские либералы (от них-то нити куда ведут?).

Ну, а потом все по мелочи. Дм. Быков задает «более узкий вопрос: каким образом во главе этого самого революционного движения оказался именно публицист?» – Могу ответить: публицист здесь не при делах, все определил «хронический русский сюжет», который «людьми разыгрывается помимо их воли». При чем здесь публицист (по Дм. Быкову)? – Речь идет не об этом. Надо просто переключить внимание читателя с Ленина-убийцы «толстозадой» Святой Руси на Ленина-публициста (писателя, литератора). И говорить о нем как о «writer». Автор эссе, хоть и пишет новую лениниану, понимает, что персонаж *неоднозначный* (по мне-то однозначнее не бывает, или, как сказал Осип Мандельштам, «ощетинился убийца-броневик и пулеметчик узко-

лобий»; якобы «сократовский» лоб есть прикид; как итальянский костюм на «скурохватах» последних десятилетий). И допускает даже, что Ленин-публицист «не всегда пользовался... чистыми приемами». Я же думаю, что литератор не знал различия в приемах – и на бумаге, и на практике.

Первый раздел своего текста Дм. Быков заканчивает, видимо, тяжелым для него вопросом. «Вот мы и сидим с его насквозь законспектированным 55-томником, совершенно не понимая, как он все это делал – и повлияла ли вся эта титаническая работа на ход русской истории или была чистой макулатурой». Ну, почему мы не понимаем, «как он все это делал». Понимаем. Он же – публицист, литератор, писатель. Собственно, чем еще до апреля 1917 г. занимался. Что касается влияния его «титанической работы» на ход русской истории, то, согласно Дм. Быкову, этого в принципе быть не могло. У нас всем правит «хронический русский сюжет», «русская матрица», неизбывная «толстоададая» Святая Русь.

Скажу так: начальник, обижаете писателя. Не 55 томов, но все, что он делал (говорил, писал и пр.), повлияло на «ход русской истории». Сломало ей хребет. Он первый в ряду: Троцкий, Сталин, Муссолини, Салазар, Гитлер, Франко, Мао, Ким. Кого еще упустил? Список открытый (к сожалению). Людоеды, мясники, неудавшиеся writers, профессора, военные, редакторы, партизаны, чекисты, студенты Сорбонны...

У Дм. Быкова есть объяснения всему ленинскому. Так, его литературный стиль мог быть «гибче», если бы писатель Ленин не обладал «эпилептоидным складом психики» (был ли Ленин эпилептиком, как нам сообщают, неизвестно). Правда, Достоевский был. И Троцкий. Что общего? Автор заморожен стилем Ленина-публициста. «Речь должна быть прямой и быстрой». У Ильича нет времени, чтобы «рассушивать». «... Хочет назвать народ рабом – запросто. Либералы – подлецы, царская семья – палачи, соглашатели – предатели, патриоты – пособники убийц, националисты – адвокаты насилия и враги рабочих, черносотенцы – мерзавцы, народники – трусы...» Действительно, большой стилист. Точный и изысканный. Но настоящая литература не может не перейти в музыку. И Дм. Быков цитирует «О национальной гордости великороссов» и – «Вслушайтесь в эту речь – ну просто же музыка, и что ни слово – то в сегодняшние мишени». – Оказывается Ленин пригоден, чтобы и по «сегодняшним мишеням». Каким?

Что же так взволновало Дм. Быкова в этом скрипте? «Откровенные и прикровенные рабы – великороссы (рабы по отношению к царской монархии) «не любят вспоминать» слова Чернышевского о русских – «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу – все рабы». – А ведь это чернышевско-ленинское не только индульгенция на убийство, но и наводка. Ату его...

Но, мне кажется, дирижерская палочка Дм. Быкова зависает в воздухе. И – разряд, сверху вниз. «Мы полны чувства национальной гордости, ибо

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

великорусская нация... создала революционный класс,.. доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами» (Ленин). – Как же все-таки здорово, что Дм. Быков напоминает нам о ленинском. Погромы, виселицы, застенки, раболепство – все, что так характерно для великороссов, отходит куда-то в никуда, а на их месте: революционный класс, «великие образцы борьбы за свободу и за социализм». И это все о моем народе, переживающем столетнюю катастрофу самоуничтожения...

Дм. Быков продолжает цитировать позорные строки писателя Ленина. Затем вопрошает: «А? Кто так чеканил, так трубил? Пожалуй, только Белинский...» Нет, не Белинский – он иначе и в других условиях. Вышинский, когда зачитывал приговор.

«Ленин пишет... правду». Мне ж сдается, что Ленин и правда (в обыденном, житейском и культурологически-философском смыслах) несовместимы. Как Ленин и любовь, сострадание, ответственность... Правду писал митрополит Иларион. Правду искала Русская Литература и Русская Мысль. Стремлением к правде было движимо великое правозащитное движение шестидесятых-восьмидесятых годов. Ленин не по этой части. Он, скорее, первый правдист. Из той самой газеты, в которой, по известному советскому анекдоту, правды нет.

Впрочем, Дм. Быков особо не настаивает: «...Одной правды недостаточно – этим никого не разбудишь и не удивишь; Ленин обладает другим важнейшим качеством публициста, а именно азартом. ... Вот эта свежесть, кислород, восторг построения нового мира, – это он привнес, это клопочет и пузырится в его текстах первых лет революции... Советская власть не состояла из репрессий, как жаждут нам доказать сегодняшние противники любых сдвигов и модернизаций; советская власть в свои первые годы была временем живого творчества масс. И это творчество не всегда сводилось к расстрелам... и к изобретательным взаимным терзательствам...» – Да, дело не в правде. В азарте. В том, что «клопочет и пузырится». В том «воздухе 1919 года – воздухе ослепительной новизны». Понимаете в чем дело? Воздушный строитель прекрасного нового мира. – Что-что?

Голод, разруха, террор, атмосфера страха и безнадежности, кровавая междоусобица, свирепая, безжалостная диктатура... Как вам не стыдно «сегодняшние противники любых сдвигов и модернизации»? Что вы все о второстепенном. Сдвиги же, модернизации (я бы на время отказался от употребления этого слова, в большинстве своем оно скрывает глупость, преступность, безответственность)!

Советская власть – не репрессии! Это живое творчество масс! И не всегда это творчество сводилось к расстрелам! – Конечно, не всегда. Взять

в заложники, выдворить из страны, запугать, заморить голодом и холодом, отобрать имущество, отправить в концлагерь (с 1918 года), на принудительные работы, изгнать из должности, лишить рабочего места, записать в категорию «лишенцы» (по Конституции 1918 года все представители (старый и малый) «эксплуататорских» классов – дворянство, буржуазия, чиновничество, священство, офицеры и т.п.) и пр., пр., пр. Сколь отвратительно, когда советскую власть, живое творчество масс редуцируют к расстрелам. Репертуар был шире и убедительнее. Нельзя этого забывать.

Дм. Быков, однако, продолжает: «...Это время, когда после нескольких веков абсолютной забитости народ ощутил себя хозяином страны, увидел грандиозные перспективы, и хотя в очередной раз обманулся – но обманул его не Ленин. Ленин по природе своей менее всего садист, более всего прагматик, и восхищали его в то время не жестокости и радикализм Гражданской войны, а творчество и самоорганизация ... Люди, которые сами взялись за дело и не хотят никакого начальства, – вот его идеал».

Здесь уже перед нами Ленин не писатель, но – политик. Который «не обманул народ». Он сам по себе обманулся. Причем «в очередной раз». Странный русский народ – обманывается и обманывается. А ведь ему впервые за многие столетия «абсолютной забитости» были предоставлены «грандиозные перспективы». – Интересно, Дм. Быков помнит о русских потерях 1917–1922 гг.? Так вот главная персональная вина за эту трагедию лежит на вожде большевиков, «не-садисте», «прагматике» Ленине. Это он раздувал – в высшей степени эффективно – «жестокость и радикализм Гражданской войны». Делал это убежденно и с большим умением. Что касается его идеала – самостоятельные люди без начальства, творчество и самоорганизация, то обманувшийся русский народ точно определил ленинское. ВКП(б) (неважно, что эта публика назвала себя так через год после кончины главара) – второе крепостное право большевиков. Творчество, самоорганизация...

«...Диктатура пролетариата – которую Ленин полагал не только и не столько насилем, но прежде всего победой нового сознания – оказалась в конце концов лишь новым названием репрессивной практики; да, как он и предсказывал, старое оказалось сильнее нового... Но вертикальная мобильность, которую он обеспечил, не пропала, и культурный взлет СССР в шестидесятые-семидесятые был эхом двадцатых ...» – Во-первых, диктатуру пролетариата Ленин «полагал» только и исключительно насилем безо всяких «буржуазных» юридических ограничений. Во-вторых, и это признает Дм. Быков, диктатура оказалась лишь (т.е. ничего другого не было) «новым названием репрессивной практики». Так, да не так.

Подобной репрессивной практики «толстозадая» Святая Русь за многие столетия своей истории не знала (надеюсь, *никогда* не повторится). В-третьих, тема вертикальной мобильности. Это – верно, на место убитых,

изгнанных, запуганных, уволенных (ну, этих, эксплуататоров) пришли представители бывших низов. Среди них были разные. И «хорошие» и «плохие», «умные» и «глупые». Но – вчитайтесь в биографии ключевых людей России, возникшей из ленинской пятилетки и действовавшей в период сталинской двадцатипятилетки. Очень многие – выходцы из дореволюционной страны. Инженеры, генетики, режиссеры, военачальники, администраторы, литераторы etc. При этом «вертикальная мобильность» не коснулась, к примеру, дворянских детей. Они были, как уже говорилось, лишенцами.

В-четвертых, если писатель Ленин предсказывал, что «старое... сильнее нового», то зачем кашу заварил? В-пятых, «культурный взлет... в шестидесятых-семидесятых» не «был эхом двадцатых». Он явился выражением новой эпохи – без Сталина, без массового террора, без абсолютной самоизоляции, без тотального господства страха...

«Я не оправдываю Ленина и вообще не выставляю ему оценок», – говорит Дм. Быков. Действительно писатель-публицист-литератор одновременно и «диктатор». В своей полемике «не всегда пользовался чистыми приемами», доходил до «довольно однообразной ругани», «суэжничал, мелочился, придирался». Порою Ленин даже ставит Дм. Быкова в тупик: «...Повлияла ли вся эта титаническая работа на ход русской истории или была чистой макулатурой»? И вправду, пойдя ответить на этот вопрос. В скобках скажу, что конспект 55-томника – титаническая работа. Сама по себе. Даже если это – «макулатура».

Все-таки, наверное, нет. Не «макулатура». Что же? – «...Единственный удачный опыт политической публицистики в России». Как? А: Чаадаев, Герцен, Хомяков, Ив. Киреевский, Самарин, Белинский, Кавелин, Чичерин, Леонтьев, Достоевский, Ив. Аксаков, Михайловский, Вл. Соловьев, Струве, Изгоев, Бердяев, Розанов и т.д. Это – навскидку. Сколько их было до Революции и в эмиграции. Политическая публицистика Солженицына – «глаголом жги сердца людей»...

Еще одна важная тема: Ленин-модернист. «...Явление модерна, холодного, ясного, рационального». Но «модернист» только в «жизни» (видимо, в политике). Модерна в литературе не понимал. Мне не совсем понятно – «модернист в жизни». О чем это? – Дм. Быков объясняет, но не очень убедительно. – «Как всякий материалист, он воспринимал человека лишь как горсть праха. Все физиологическое его сильно отвращало, он стеснялся этого... Думаю, его модернизм, сосредоточенность на интересах дела, кажущаяся бесчеловечность (хотя человечность в нем была, по крайней мере пока он был в здравом уме) – в основе своей имеет безразличие относительно физиологии, маяковскую ненависть к быту, омерзение к роскоши. Все, что смертно, ему неинтересно. Ни своей, ни чужой смерти он не склонен придавать значение. Революция для него – блестяще решенная математическая

задача; красота – только в безжизненном, и Толстой... был ему близок поздней аскезой, старческой ненавистью к размножению».

Да... Физиологическая брезгливость, человек – горсть праха. Смерть неинтересна, ей не надо придавать значения, красота в безжизненном, поздняя аскеза, старческая ненависть к размножению. Это, получается, и есть «модернист в жизни». Холодно, ясно, рационально.

Дм. Быков, представляется мне, не замечает зловещей комичности сказанного им. Ленин был человечным, пока был в здравом уме. Следовательно, человечности Ленина лишила его болезнь? Тогда это необходимо распространить на всех. Ведь «кажущаяся бесчеловечность» связана с отвращением к физиологии и потерей «здорового ума». Теперь всем понятна основа творчества кровавых диктаторов, исторических злодеев, омерзительных палачей?!

Не придавал чужой смерти значения (его личная смерть – его личное дело, добавлю я; и меня не устраивает философия: если себя не жалел, то чего уж других...). Как это у Пушкина? – «Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коим чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка» (Пушкин) («Пропущенная глава» из «Капитанской дочки»; в окончательную редакцию не вошла). Обычно, кстати, цитируют предыдущее предложение: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный» [3, с. 383–384].

Но, может, Пушкин слишком строг к людям? Ведь имеются и такие, для которых все это – решение математической задачи. А у последней нет физиологии, смерти, быта, роскоши, также – «головушки» и «шейки». Все холодно, ясно, рационально. И еще вдогонку. Ленин не был аскетом и не мог обладать «старческой ненавистью». Он вполне себе был активным мужчиной и до старости не дожил (хотя и звался среди своих «Старик», с уважением и тепло).

В заключительной части эссе Дм. Быков произносит загадочные (по крайней мере, для меня) слова. «Я прекрасно понимаю, сколько негодования вызовет этот текст, при всей его нейтральности. Любая попытка проанализировать его стилистику чревата сегодня долгой и бессмысленной дискуссией раздраженных и некомпетентных людей, где фейки побиваются фейками, а гроссмейстером полемики считается тот, кто лучше всех передергивает». Почему Дм. Быков полагает, что любая попытка анализа этой его работы приведет к «бессмысленной дискуссии»? А те, кто за это примется, «раздраженные и некомпетентные люди»? Ведь даже Писание комментируют. Неужели перед нами текст невыразимой священности? Разумеется, Дм. Быков так не думает. Так почему же?

Задамся вопросом: чем сталинолюбие (сталинопоклонничество) отличается от ленинолюбия (...). Первое имеет массовый и в целом «простонародный» характер. Этим «простонародным» никого не хочу обидеть (тем более,

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

что встречаются среди сталинистов и образованные люди). Но это, так сказать, для широкой публики. Соха, бомба, Победа, космос... Все зримо, понятно, доступно. По-разному можно определить: как примитивно-лубочный миф, массовое социо-психологическое заболевание, иллюзорную компенсаторику. В целом культ (не в хрущёвском, а в более серьезном и страшном смысле) Сталина это поиск смыслообразующего стержня жизни (Бог давно уже умер в сердцах большинства соотечественников; РПЦ столь же неудачна в христианском окормлении, как и КПСС в семидесятые-восемидесятые в коммунистическом). Генералиссимус подходит многим. И как бы притягательна ни была мускулатура Путина, но... парад Победы, парад 7 ноября 1941 года, военные салюты, имперский мундир, когда Сталин входил в зал, Рузвельт (пока еще мог) и Черчилль вставали... – это (сегодня) посильнее будет. Любовь масс к Сталину (что любовь – факт) сродни иррациональной любви болельщиков к *своему* клубу (даже если он играет плохо; его и покрывать можно, и обидеться, но... любовь) или поклонников *этой* рок-группы, или фанатов *того* актера-супермена. Кто-то скажет: да есть получше. Ответ: нам *это* надо, а не «получше».

С Лениным другое дело. С молодых лет замечал: безупречные люди, интеллектуалы, интеллигенты, Пруста и Джойса в оригинале читали, про французскую «новую волну» (в кино) часами могли рассуждать. В КПСС не состояли, стукачами не были... Но вот Ленин... Трагический, непонятый, при всех своих грехах «наш»... Затаенное, глубокое чувство с намеком на какое-то особое понимание. Но и не только эти изысканные люди питают некую слабость к «писателю» Ленину. Вот, например, Солженицын, отдавший жизнь на борьбу с коммунизмом, наверное, главный его похоронщик. По свидетельству о. Александра Шмемана, Солженицын восхищался железным характером, цельностью натуры и абсолютной самоотдачей Ленина. Себя он полагал анти-Лениным, поставив целью превзойти в этих качествах Старика. И хотел – для реализации своих антикоммунистических задач – иметь «партию» типа большевистской. Все это, разумеется, не отменяет «Ленина в Цюрихе».

Какое-то время мне казалось, что песенка Ильича спета. И не в том смысле, что его преступным деяниям и безумным фантазиям дана адекватная оценка. Нет, не дана. Как и Сталину, их подвижникам, всему более чем семидесятилетнему режиму. Однако *сейчас* не об этом. Мне казалось, что ленинский культ, повсеместный, обязательный, безвкусный, не мог не стереть это историческое лицо. Бесконечные памятники вычеркнули его из наличной жизни. А столь восхищающие Дм. Быкова тексты вызывали у подавляющего большинства школьников, студентов, аспирантов скуку, насмешки и непонимание («зачем нам все это?»). Эмоции появлялись лишь при посещении Мавзолея. Человека (особенно юных пионеров) охватывал ужас. Как будто ты

вступал в некую адскую область, встроенную в живой и теплый мир. Наглядный апофеоз смерти, смерть посреди жизни, а не какое-то там «живее всех живых». Смертью жизнь поправ – вот что такое Мавзолей.

К тому же руководитель первой «цветной революции», немецкий шпион, глобалист, еврейский дедушка Бланк... Еще: правил недолго, практически всех соратников уничтожили. Его добивали анекдоты с подчеркиванием картавости, жестокости, цинизма. Нет, казалось мне, он навсегда заслонен «широкой грудью осетина».

И вдруг о Ленине заговорили. Конечно, это связано и со столетием Революции, которую без него представить невозможно. Но не только. Очень сложно постоянно поддерживать в «тонусе» возродившийся культ Сталина. Не исключено, что, подобно «усталости металла», мифы тоже «устают». Да и привычка, автоматизм любви не способствуют их витальности. Требуется еще что-то. Здесь и появляется писатель Ленин. Ему (пока) удается редкое возвращение со свалки истории (кстати, выражение Троцкого). Он внезапно занимает четвертое место по популярности во всероссийском социологическом опросе, проведенном Левада-Центром (а это самые солидные российские специалисты). Первая тройка: Сталин, Путин, Пушкин. Газета «Завтра», Изборский клуб и другие черносотенные институты начинают творить новый миф о Ленине. В хоре его поклонников мы слышим и голос Дм. Быкова. Замечательные историки рассматривают Ленина в ряду политических деятелей 1917 г. – Милоков, Гучков, Керенский, Чхеидзе, Ленин... Он – один из них, актер из пьесы, он – в «законе». Историческом.

Надо сказать, что новый миф о Ленине слагается по лекалу нового мифа о Сталине. Происходит то, что, по другому поводу, Ханна Арендт назвала «банальностью зла». Да, Сталин был жесток, несправедлив (иногда), коварен, злопамятен, но... индустриализация, Победа, космос. Времена такие были. Без *этого* бы не выстояли. Вот теперь очередь писателя Ленина. Расстрелы, заложники, голод. Однако без *этого* беляки бы залили Россию кровью, восстановили крепостничество и не было бы никакого всемирно-исторического красного проекта (изборяне). Ленин – высшее проявление русского космизма (наряду со Сталиным), а еврейский дедушка и немецкие деньги... Кто ж без греха.

Правда, есть нечто, что мешает новому изданию ленинского мифа. Памятники² по всем городам и весям, проспекты, улицы, горы, метро etc.

---

2. О, если бы я только мог, хотя б отчасти, я написал бы много строк об этих каменных истуканах.. Никто на них не смотрит, а они такие разные. Никогда не забуду Ленина–Хлестакова в прикиде от кутюр во Владимире; Ленина в Нижнем Тагиле – чугунное литье конца двадцатых перед входом в заводоуправление (бывший классицистский дворец Демидовых), Ильич на Земном шаре, на Северном полюсе, маленький,

Мертвичина хватает за фалды новоявленных ленинопочклонников. Повседневность против епан'а пламенных реаниматоров. И, конечно, безобразияе букинистических магазинов. Они еще остались? – Во времена моей молодости (70–80-е) им было запрещено принимать для продажи лучшие образцы русской публицистики (Дм. Быков – 55 томов). В девяностые – отказывались, никто не покупал. Не сомневаюсь: писателя Ленина можно почитать в Интернете. У меня же синее пятое издание и четвертое коричневое погибли в пожаре ИНИОНа (2015, 30.01.–01.02.). Зато сохранилось большинство томов кирпичного (или красного?) первого. Откладывал на «потом», почитать, возразить. Не получается. Скучно. Но все ж благодарные читатели остались...

Сталин же – миф начинался с нуля. Памятники снесли, улицы и все остальное переименовали; лишь память и воображение. Да, еще то, что советский человек был выращен Сталиным. Ну и, конечно, Хрущёв–Горбачёв, шестидесятники подгадили Ленину. Они его в пику Отцу выдвигали. Дети же легко отличают кровнородственного от какого-то там.

Тем не менее при всех сложностях, мы присутствуем при возрождении Ленина-мифа. Конечно, «Дилетант» и Дм. Быков не определяют «душевную» ситуацию в стране. Они работают для системочуждых. Но в этом случае – трудно поверить! – на наших же гонителей.

Скажу резко: всякие «заигрывания» с Лениным суть – в независимости от общей интенции – коллаборации со злом. Они особенно опасны (по своим последствиям), когда занимает позиция объективного, «непартийного», взвешенного понимания. Когда о Ленине говорят строго, серьезно и немного скорбно. В год столетия Революции *такие* голоса слышатся все чаще. Великий Октябрь – великий вождь. Сочувствие ему и сопереживание. А вот Николаю II, лидерам Февраля всего это не достается. В лучшем случае – *слабаки*. Царь – подкаблучник, Александра Федоровна (Керенский – не императрица), Милоков – Дарданельский и т.п. – Что ж, валяйте, наследники Октября! Народ – плох, царь – плох, интеллигенция – плоха, буржуазия – плоха, цер-

---

озябший, тянет ручку, под ним громадный шар с морями, горами, пустынями...; Ленин в бывшем главном здании МГИМО на втором этаже, склонился большой головой и большим телом по пояс, вырастает из каменной глыбы – чистый кентавр; совершенно замечательный памятник стоял при входе в парк «Останкино» – Ленин уютно сидел на лавке и добродушно беседовал со Сталиным, тот тоже был в прекрасном настроении (а может, это Сталин беседовал с Лениным?); потом (после XXII съезда) Е-Сарионича убрали, Ильич остался один, как-то погрузился и мне всегда, когда мы с родителями проходили мимо, было его жаль. Вскорости исчезли и Ленин, и лавка. Кто-то понял его безысходное одиночество.

ковь – плоха. Оставайтесь с тем, кто «в черепе сотней губерний ворочал», с тем, кто «как выпад на рапире».

Страна не выздоровеет, если не преодолеет Ленина, не даст ему моральную оценку. «Писатель» должен быть судим нравственным судом.

И еще один важный для меня вопрос. Всегда было интересно: почему Ленин-миф создавался большими людьми, а Сталин-миф его же пропагандистской машиной. Иными словами, Ленин оказался воспетым высоким искусством, Сталин этой чести не удостоился. Действительно, Маяковский и Пастернак «выдумали» героя необычайной силы и убедительности. Есенин, Клюев, другие внесли свою лепту. Даже Михаилу Шатрову в его ленинских пьесах удался очень симпатичный (и трагический) образ. Все описания Сталина смехотворны, не стоят и гроша. А ведь обращались за помощью к Горькому, Булгакову, Ал. Толстому. Как известно, Алексей Максимович отказался; «Батум» у Михаила Афанасьевича не получился; красному графу, изрядному стилисту, хватило сил на второсортный лубок.

Правда, Сталин неплохо получился у Солженицына и Рыбакова. У первого как острая, безжалостная сатира, у второго как коварный, по ту сторону добра и зла, злодей. Правда, и Анатолий Наумович тоже не удержался от едкости. То есть русская литература поставила памятник Ленину. Сталин до своего не дожил.

Хочу похвалить Дм. Быкову. Его «писатель Ленин» становится в ряд памятностроителей (ряд помните? Маяковский, Пастернак, Клюев, Есенин. Да, еще Горький – совсем забыл. Его очерк-поминание до слез продирает. Не шучу. Алексей Максимович – гений. В отличие от любимого поэта (Бродский) считаю его равноположным Андрею Платонову. Да, а кто темпорально первым воздвиг словесный памятник лучшему публицисту? Кто, кто? Our first poet, как сказала о нем Анна Ахматова. Борис Пастернак. Первый поэт XX столетия³. Насколько понимаю, не только у нас).

Таким образом, есть Ленин-миф-1, созданный великой русской литературой (плюс немного фотография, рисунок, скульптура), и Ленин-миф-2 – творение Сталина, Хрущёва, Брежнева. Все эти, как уже говорилось, неисчислимые памятники, улицы, 55 томов и т.п. Ленин-миф-3 опирается на два предыдущих (красные свои праздники и демонстрации проводят у Мавзолея и памятников; интеллектуалы во главе с Дм. Быковым вчитываются в тексты лучшего (нет, единственного) русского политического публициста) и добавляет свое, изборское – космизм, красный проект, русская история, Сталин. Да, Сталин как важнейший элемент нового ленинского мифа. Сталин как бы освящает Ленина, дарует ему прощение за интернационализм, глобализм,

3. *Странная рифма: XX столетие – XX съезд.*

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

«цветную революцию» и дедушку Бланка. Кстати, в тяжелейший момент начала войны Иосиф Виссарионович по-своему очень точно определил место Ильича в истории: «Ленин нам оставил великую империю, а мы ее просрали». – В истории-мифе под редакцией «чудесного грузина».

В Ленине-мифе-3 происходит своеобразная национализация вечного писателя-эмигранта. В «Детях Арбата» (книга вторая – «Страх: тридцать пятый год и другие годы») Анатолий Рыбаков «выдумывает» такие мысли Сталина: «Ленин угадал час, который предоставляет история истинному вождю для взятия власти. Но угадал этот час как великий революционер западного толка, которому история дала возможность проявиться на востоке. Он увидел слабость тогдашней власти, воспользовался... но причин ее не знал. Причина же слабости тогдашней власти заключалась в том, что русский народ... при-вык... чтобы им управляли...

Ленин знал, что диктатура требует единовластия, но не понимал, что единовластие требует единомыслия».

Кажется, Рыбаков вполне адекватно «выдумал» сталинское отношение к Ленину (Анатолий Наумович вообще, на мой взгляд, убедительно реконструирует советскую историю тридцатых годов; снобистские высказывания Бродского, Лосева и других («чтиво», «макулатура») ошибочны. Ленин – западный революционер на востоке, Сталин – восточный революционер на востоке. Ленин-миф-3 преодолевает эту «недостаточность» Владимира Ильича и – потенциально – выбивает почву из-под ног у Дм. Быкова и близких ему толкователей наследия вождя революции. «Западный революционер на востоке» – трагическая фигура, несоответствие высоких замыслов неблагодарному материалу. Да, *такому* можно посочувствовать. В каком-то смысле *свой брат*. Ведь и мы заложники этого «востока», этой «толстозадой» Святой Руси. Он с нами в какой-то безвыходной особости. Как не понять его отчаяния, его – сильного человека – бессилия. Во многом от этого (мы не оправдываем! мы призываем к пониманию!) его срыв в террор, в безответственную утопию, в ничем неукротимую ненависть к «врагам»...

Нет, нет. Теперь Ленин равняется Ленин плюс Сталин. Ведь в формуле «Сталин это Ленин сегодня» уже заложена мысль: доживи Старик до наших дней, был бы Сталиным. И это – дополнительная рекомендация Ильичу на абсолютно заслуженное им место в аду.

Библиография

1. Быков Дм. Писатель Ленин // Дилетант. 2017. № 15. Март. С. 90–95.
2. Вайль П., Генис А. Мир советского человека. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 358 с.
3. Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 8. Ч. 1. С. 277–384.
4. Раскольников Ф. Рассказы мичмана Ильина. М.: Сов. лит-ра, 1934. 171 с.

References

- Bykov Dm. Pisatel' Lenin // Diletant. 2017. N 15. March. P. 90–95.
Pushkin A.S. Kapitanskaja dochka // Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1948. Vol. 8. Ch. 1. P. 277–384.
Rasko'lnikov F. Rassказы michmana Il'ina. Moscow: Sov. lit-ra, 1934. 171 p.
Vajl' P., Genis A. Mir sovetskogo cheloveka. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 1998. 358 p.